Ануш / поэма

Category: Kitapcy,Poemalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Ануш / поэма АНУШ

Пролог

На крыльях ветра рея ввысь,
На лунные сев лучи,
Толпою пери собрались
На вершине горы в ночи.

«О сестры! скал и родников
Прелестные духи, – сюда!
Оплачем юную любовь,
Погибшую навсегда!..

Кувшином девушка брала
Волну от семи ключей.
С семи кустов цветы рвала,
Гадать о любви своей.

Под звезды воду и цветы
Она поставила в ночь,
Моля у звездной высоты
В любви ей, бедной, помочь…

Жаль нам, Ануш – горный цветок!
Жаль горькой любви твоей!
Жаль стан твой стройный, розы щек!
Жаль темных морей – очей..»

Цветы раскрылись по склонам гор,
Как взоры, полные слез,
И с тихим ветром в ночной простор
Стенанье их понеслось:

«О, горе, Ануш, о, горе, наш друг!

Любви твоей жалко нам…
О, горе, Саро, о горе, пастух!
Любимым твоим горам!..»

«О сестры! скал и родников
Прелестные ду’хи – сюда!..»
Так хором скорбных голосов
Звучала всю ночь высота.

Волшебный зов, с угрюмых круч
Летящий к лугам в росе…
Но, лишь заиграл первый луч –
Незримо исчезли все,

Спрятались в дуб толстоствольный,
В холодные ручейки,
Канули в пенные волны,
Летящей со скал реки…

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Лори меня вновь неустанно зовет,
Тоска по отчизне мне сердце томит.
И властно расправила крылья, и вот
Душа моя к дому родному летит.
А там, перед отчим сидя очагом,
С тоской и надеждой давно меня ждут
И, слушая вьюгу в ночи за окном,
О витязях древних беседу ведут.
Туда – где гора над горою встает,
Где по небу горы ведут хоровод,

Где пьяные горы встают поутру,
Как гости, на свадебном буйном пиру
Плясавшие, пившие целую ночь,
Когда стародавние богатыри
Дэв-Бед и Дэв-Ал Арагацову дочь,

Украв, привезли в неприступный Лори.

II

Эй! горы зеленые, детства друзья!
Опять я вас вижу, и вспомнилась мне
Счастливая ранняя юность моя!
Любимые лица прошли, как во сне,
Прошли, будто множество ярких цветов,
Что прошлой весной здесь на склонах цвели,
Прошли, как ручьи прошлогодних снегов, —
Но снова взываю я к ним издали…
Вы — первые воспоминания! вам
Привет моей осиротелой души!
Вас ищет она по горам и холмам,
Взволнованным голосом кличет в тиши!
«Из тьмы, из могилы вставайте опять,
Хочу вас увидеть, услышать, обнять!»
И снова дышите весной бытия,
Чтоб высшей отрадой наполнился я.

III

Из темных пещер, с обомшелых громад
Утесов, из чащи безмолвных лесов,
Сквозь годы, как эхо, — я слышу — звенят
Далекие звуки родных голосов.
Вновь крики кочевья звучат издали,
И вновь над шатрами дымки расцвели.
И бодро встают из предутренней тьмы
Знакомцы, и прошлое снова живет.
А там, где росою дымятся холмы,
Чу! — слышишь? — пастух в отдаленьи поет:

IV

«Эй, сиди в шатре, девушка, молю!
Закружила ты голову мою.
Я забыл покой, как ашуг пою.

С песней, как в бреду,
По лугам иду.
Бросил я овец,
За тобой бреду.

Ты огнем любви сердце мне сожгла,
Нитями волос ноги обвила.
Я умчу тебя силой из села,
Эй, девушка гор,
Красавица гор,
Смуглая краса,
Черная коса!

Коль не суждена ты мне никогда —
Не стерплю тогда, кровь пролью тогда,
В горы я уйду, сгину без следа!
Эй, полночь — глаза!
Эй, море — глаза!
Погублю себя
Я из-за тебя!»

V

Саро молодой на склоне поет, —
Не может Ануш в шатре усидеть.
«Ты знаешь, нани*, нас кто-то зовет…
Ну, слушай, нани… Ну, дай поглядеть!»

«Довольно, Ануш, в шатер свой войди!
Ведь девушка ты, спокойно сиди.
Увидят тебя — осудит народ,
Худая молва повсюду пойдет».
«Нани, погляди-ка, на склоне другом
Щавель, как ковер, зеленеет кругом.
Пусти погулять ты дочку свою,
Нарву щавеля, «Джан-гюлум» спою».
«Ты что потеряла, негодная, там?
Что тянет тебя к молодым пастухам?

Сиди-ка в шатре да за дело берись,
Будь скромной! ведь ты уж невеста! Стыдись!»
«Ой, сердце мое беспокойно давно,
Нани, и томится и ноет оно,
То вдруг окрылится и рвется тогда
Не знаю — куда! Не знаю — куда!
Нани-джан!* Нани!
О, как же мне быть?
Покоя мне нет, что сделать с собой?
Нани-джан! Нани! позволь же сходить
С подругами мне — к ручью за водой!..»

VI

В ущелье девушки толпой
С кувшинами бегут,
Смеются, шутят меж собой,
И на бегу поют:
«Сквозь тучи падает поток
В кипучем серебре;
Чей яр*, печален, одинок,
Рыдает на горе?

Эй, воды снеговых вершин,
Спадающие с гор,
Бегущие по дну долин
На луговой простор!

Видали ль яра моего?
Напился ли мой яр?
Прошла ли боль в груди его —
Бессонный сердца жар?»

«Твой яр, огнем любви спален,
Пришел, воды испил;
Как жаждал он! — Но жажды он
Водой не утолил…»

«С вершин бежит поток седой

В кипучем серебре…
Ах, то — мой яр, то — милый мой
Рыдает на горе!..»

VII

И в сердце у матери выросло вдруг
Глухое сомненье, неясный испуг…
«Давненько Ануш кувшин свой взяла,
Спустилась к ручью — и все не пришла…
А тучи сгустились, окутали высь,
В ущелья забились, друг с другом сплелись.
И — страшно! — беды не случилось бы с ней,
Немало ведь бродит недобрых людей…
Ануш, ох, бессовестная!» — И встает
Старуха и к краю ущелья идет.
И, ко лбу ладонь прислонивши, кряхтя,
Бесстрашное кличет и кличет дитя:
«Эй, дочка, срамница! Что делаешь ты
В овраге одна средь такой темноты;
Глянь — тучи какие, гроза на пути!
Ты что потеряла, не можешь найти?

Ты слышишь, Ануш? Эй дочка Ануш!» —
И бьет по коленям и охает: «вуш!»
Над пропастью мать, растерявшись, сидит
И вниз, с омраченной душою глядит…
А тучи сгустились, окутали высь,
В ущелья забились, друг с другом сплелись
И — страшно! — беды не случилось бы с ней,
Немало ведь бродит недобрых людей…

VIII

«Ну, пусти меня!.. Слышишь? Мать звала…»
«О, не уходи! Погоди, молю!..»
«Ах, пусти, уйду… Я с ума сошла!..
Нет! не любишь ты так, как я люблю;

Только я одна плачу и томлюсь,
Думала – тебя вовсе не дождусь.
Ты совсем, совсем про меня забыл:
С коих пор одна здесь сидела я,
Я ждала, ждала, ты ж не приходил,
Все глаза в тоске проглядела я!
Нет, ты меня
Не слушаешь,
Ты обо мне
Не думаешь…
А я сгорю,
Огнем взовьюсь,
Я растворюсь,
Ручьем прольюсь.
Не знаю я,
Чем стану я,
Коль еще раз
Так буду ждать…

Ива – говорят –
Девушкой была,
Милого ждала,
Милый не пришел.
Стан склонив, как ствол,
Ивой у реки
Сделалась она,
Высохла с тоски…
Шелестя листом
Тонким над водой,
Все стоит она,
И дрожит она,
И скорбит тайком
Вечно об одном,
Лишь о том, как яр
Милую забыл…»

«Ах, Ануш, Ануш! – упрекаешь ты,

А не знаешь ты –
Для кого свою песню я пою,
С кем я говорю?..
И свирель моя, жалуясь без слов,
Чью зовет любовь…
И, когда в мечтах застываю я,
С кем бываю я…
И тоской о ком весь я полонен.
И о ком мой стон…
Ах, Ануш, Ануш! сердца нет в тебе!» –
Юноша пастух,
Пал на грудь Ануш, застонал в мольбе
Замолчал, потух.

IX

«Ануш! Эй, Ануш! – скорее иди!» –
Старуха нани вздыхает, кричит.
«Иду я, нани! Иду! Подожди!» –
Ответ в глубине ущелья звенит.
Рассыпались косы у ней по спине,
И пряди упали на щеки в огне,
И вышла из пропасти, сквозь облака,
Как лань, убегающая от стрелка,
Кувшин на плече притащила пустой
И нет на плече у ней для кувшина
Подстилки. В ущелье осталась она.
Эх, горе – беспечность души молодой.
«Нани, испугалась я!» – дочь говорит.
И хочет всплакнуть, да слеза не бежит. –
«Внизу я людей увидала вдали,
Подумала – турки купаться пришли…»
Старуха клянет, досады полна,
Трусливую глупую дочку свою.
И сходит, бранясь, в ущелье она
С кувшином пустым обратно к ручью.

Песнь вторая

(Утро вознесения)

X

Амбарцум настал. Горы зацвели,
Дно долин горит, как ковер, вдали.
Девушки пошли на горы гулять,
Собирать цветы, песни петь, гадать.

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Тени гор, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Запах трав смешав
С песней молодой,
Девушки бегут,
Пестрою толпой,
Роем мотыльков
Реют меж цветов.

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Вешний день, яйла
Яйла-джан, яйла!»

Амбарцум настал,
На горах крутых
Сердцу загадал:
Кто же твой жених?

Ай, джан-пастух, ай, розы-цвет, — чей ты есть?
Нет! видит бог и видит свет, — мой ты весь!

Вот и ты берешь
Скрытый жребий свой
Будет всем хорош
Яр твой удалой!

Усы — два нежные ростка, стан красив,

Не горевать тебе — пока яр твой жив!

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан яйла,
Жар сердец, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Голоса звенят. Девушки поют,
И, храня обряд, жребий достают.
Счастье и любовь выпадут одной,
Горе на душе ляжет у другой.

XI

И жребию вновь по кругу бежать
Велит Мать Цветов, накрывшись фатой.
И все «Джан-гюлум» запели опять,
И эхо звенит вдали за горой.

«Эй, выросшая средь гор
Красавица, ночь — твой взор!
Но, милого твоего
Ждет гибель — пуля в упор!»

«Ой, горе тебе, сестрица Ануш!
Пал жребий тебе несчастий и мук!
Отсохни рука, что достала его!..» —
И смолкнул весь круг смущенных подруг.

«Сестрица, все — ложь! гаданью не верь!
Беги от тоски — от горестных дум;
Иди, не грусти — и с нами теперь,
Как прежде, играй и пой «Джан-гюлум!»

«Ах, счастья мне нет — и не суждено!
Всегда от меня бежало оно…
Не дружит оно с судьбою моей;
Проклятье на мне — с младенческих дней.

К нам нищий старик, говорят, приходил, —

А я еще малым ребенком была, —
Он песню пропел, подаянья просил,
Но мать ни куска ему не дала.
«Прочь! крикнула, прочь от наших дверей!
Покоя мне нет и от дочки моей!..»
И проклял старик жестокий меня,
Чтоб ей, мол, не знать отрадного дня.
Мой темный удел лишь богу открыт,
На сердце ж моем мрак вечный лежит,
И тьма предо мной; в ее глубине
Таится мой путь — неведомый мне!..»
«Ануш, не грусти, вот ты поглядишь,
Увидишь сама: гадания — ложь!
Какой-то старик безумный, дервиш
По злобе сболтнул, а ты — слезы льешь.
Не бойся, Ануш, знай — счастье придет!
Вся жизнь пред тобой весною цветет.
Ты так молода, — взгляни же, взгляни:
Лежат впереди счастливые дни!
Сестрица, все — ложь, гаданью не верь!
Беги от тоски — от горестных дум;
Иди, не грусти, — и с нами теперь,
Как прежде, играй и пой «Джан-гюлум!»

(Хор)

Счастливая ты —
Счастливая в любви!
Красивая ты —
Без горя живи!

Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Дни любви, яйла,
Яйла-джан, яйла!

С расцветшей весной
Ты схожа, сестра.

Твой яр за тобой
Стоит, как гора.

Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Горы-джан, яйла,
Яйла-джан, яйла!

Ануш (одна)

Куда судьба меня зовет?
Ах, будущее страшит…
От ледяного зова ее
Сердце мое дрожит.

Вот так и горные цветы
Болью безмолвной полны.
Слезами их глаза налиты,
Грустны сердца и черны.

Напрасно краткого весной
Томятся они на лугах
И вянут с горечью немой
В печальных черных сердцах.

Хор (издали)

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Пламя мук, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Песнь третья

XII

На свадьбе гуляли однажды зимой.
Привольно гостям веселиться, шуметь.
Пришли пастухи молодые толпой, —
Бороться, плясать, на красавиц глядеть,

Вот — бурная пляска утихла. И вдруг
Для новой забавы расчистили круг.
И песню борьбы продудела зурна.
Толпа раздалась, любопытства полна,
«Тащи их! тащи!» — суетятся, галдят…
И вот уже друг против друга стоят
Моси — брат Ануш и Саро — наш пастух,
Насильно друзьями притащенный в круг.
Тогда на два стана село разошлось,
Сомкнулось теснее, стеной поднялось.
Себе каждый стан пахлевана избрал,
Теснясь и шумя, за спиной его стал…
Кричат, подзадоривая, все сильней:
«Эй, эй, молодцы! не робейте! смелей!»
А рядом, из-за занавесок цветных,
Невеста с подружками смотрит на них.
Стоят, горячатся борцы-пастухи,
Заправили за пояс полы чухи,
Бьют об землю крепкой ладонью; взвились
Прыжком — в свирепом порыве сплелись,
Есть в темных ущельях обычай седой…
Старинным обычаям верен всегда,
В борьбе удалец удальца пред толпой
Спиною к земле не прижмет никогда.
Саро и Моси, молчаливо сцепясь,
То кажут притворную ярость и прыть,
То хлопнутся наземь, в обнимку катясь,
Никак, мол, друг друга им не победить!
Напрасно толпа в исступленьи кричит,
И девушки с бьющимся сердцем глядят…
Ануш, изваяньем застывши, стоит,
Не в силах отвесть околдованный взгляд.
Стоит… И Саро вдруг увидел ее.
В глазах его — мгла, в голове — забытье,
В нем вспыхнуло сердце, забилось сильней,
Забыл он обычай, и мир, и друзей.
Тогда как Моси, побратима любя,

Боролся шутя и ослабив себя,
Саро его с силой внезапно схватил,
Сшиб с ног и коленом к земле придавил.
Так сделал и сам не заметил того…
Толпа заорала. В толпе торжество.
«Саро-победитель!» — И вот пастуха
С почетом подводят к тахте жениха.

И все рукоплещут, ликуют, кричат,
Качается кровля, и стены дрожат.
А рядом из-за занавесок цветных
Невеста с подружками смотрит на них.

XIII

С пола встал Моси. Мечет он и рвет;
Крикнул: «Пусть встает! схватимся мы вновь.
Иль жизнью клянусь, он так не уйдет!
Плата за позор — нечестивца кровь!
Он не победил!.. я обманут был!..
Ну — пусть он придет! очистите круг!»
Хохот загремел, хохот оглушил.
Смеются, орут все сразу и вдруг!

«Он не побежден? —
Правду молвил он!
Ха-ха-ха! — упал,
На спине лежал!
У тебя, Моси,
Вся спина в грязи!
Вот он, еще раз
Схватится сейчас!
Пусть-ка наперед
Спину отряхнет!..»

XIV

Со свадьбы веселой из дома того
Уходит Моси, тяжело оскорблен:

Кипит омраченное сердце его.
Поспешно, шагами неверными он
Идет, бормоча: «Это ты ли, Моси?
Позор тебе!.. Ты ли валялся в грязи?
Еще ты земли не касался спиной…
Ты вспомни – кто ты? Погорюй над собой!
Как на землю вдруг твое тело легло,
Когда на тебя все глядело село?
Тебе… у Саро под коленом лежать
И женщинам после глаза показать?!
Нет… Горе с тобою случилось! беда!
Посмешищем будешь для всех навсегда…
Умри! Ведь такого стыда не снести!
Сиди со старухами, прялку крути!..»

XV

«Ой, не убивай меня, брат, пощади!
Не буду! не буду любить я его!
Ох, сердце дрожит, как листочек в груди…
Моси, я кинжала боюсь твоего!..» –
Так брата Ануш умоляла, в слезах
Упав на колени, от страха без сил…
Свирепый Моси с исступленьем в глазах
Сестре обнаженным кинжалом грозил.
«Клянись моим именем! – брат ей кричал,
Клянись, что Саро ты не будешь любить!
Не то – видишь мой обнаженный кинжал?
Легко мне бесчестное сердце пронзить!»
«Моси-джан! Я – прах под твоею ногой!
Ты клясться рабу заставляешь свою?..
Вот я на коленях, в слезах пред тобой…
Я больше Саро не люблю, говорю!»
«Ты вздумала мне, обманщица, лгать?
Не любишь его?.. А что же тогда,
А что же тогда, как ложимся спать,
В ночной темноте ты плачешь всегда?

А что же тогда, как только уснешь,
«Саро-джан! Саро!..» — его ты зовешь?»
«Моси, джан-Моси! мне за это не мсти!
Сегодня меня пощади, отпусти!
Не хочешь — не буду его я любить
И звать уж не буду его я во сне…
Боюсь я… не надо кинжалом грозить…
Моси-джан, опомнись! не брат ли ты мне?..»

XVI

И непримиримой, смертельной враждой
Друзей разделил этот случай пустой.
Родные в дом из дому стали ходить, —
Мирили их, да не могли помирить.
Как мог непреклонный Моси потерпеть,
Что неотомщен он, а рядом с сестрой
Вдруг стал под венец бы обидчик Саро.
Смерть лучше, чем в доме такого иметь…
И жаждою мести горя, может быть,
Он хочет пролить сестры своей кровь,
И грудь ей готов кинжалом пронзить,
Чтоб с жизнью из сердца вырвать любовь…
Быть может, с ночи до восхода луны, —
Настойчивы в злобе, ожесточены, —
Враги друг у друга угонят овец,
Чтоб ярость свою утолить наконец?
Быть может, сегодня же ночью сгорит
Стог хлеба на кровле, — запас годовой,
И хмурые скалы окрест озарит
И вскинется к звездам язык огневой?..

Песнь четвертая

XVII

Рассвета лучом Чатиндаг озарен.
И, как с водопоя верблюды, на склон

Гуськом из ущелья идут облака.
В долине блестит и дымится река…
Что ж полно смятенья селенье в горах?
На кровлях толпится встревоженный люд,
И юноши, ружья сжимая в руках,
Толпою ко входу в ущелье бегут.

XVIII

К толпе возбужденных событьем людей
Седой, величавый старик подошел
И, пыхнув прокуренной трубкой своей,
Сказал, указавши рукою на дол:
«Я прошлую ночь — этак в полночь — не спал,
И, глаз не смыкая, в постели лежал…
Всего я лишился на старости лет, —
И сна, и здоровья бывалого нет…
Да… помню: был темный полуночный час,
Вдруг пес забрехал за стеною у нас.
«Эй, кто там? Уймись ты!» — я крикнул ему.
Гляжу, — пес, как бешеный, кинулся в тьму!.
«Эх, времечко! — тут про себя я сказал, —
Чем прежде я был, и чем нынче я стал?
Бывало, один возле выгона спишь,
Чуть шорох, — и вскочишь, и в оба глядишь…»
Так вот, говорю, не сомкнул еще глаз;
А помню — был горький, полуночный час…
Две тени мелькнули, пустились бегом
От пса и пропали во мраке ночном…
Туда побежали».

Толпа удальцов
В ущелье сошла и двоих беглецов
Недавние там отыскала следы,
Терявшиеся на песке у воды.

XIX

Шло время. Толпа деревенских парней
Все горы обрыскала за сорок дней,
Но только Саро-пастуха не нашла,
Укравшего дерзко Ануш из села.
И парни ни с чем воротились домой.
Про удаль Саро говоря меж собой:
«Эх, вот у кого нам пример надо брать!
Друзья, вот как надо невест умыкать!..»
Но, жаждою мести снедаемый, брат
Беглянки Ануш не вернулся назад.
Дал клятву Моси беглецов проследить,
Убить их на месте и гнев утолить.
В горах он скитался…

Но вот как-то раз
Со жницами женщинами в поздний час
В изодранном платье, понурясь, тайком
Беглянка вернулась в родительский дом.

XX

«Эй, слышишь, Вардишах, коль любишь меня, –
Раскинь-ка на счастье горсть ячменя!
Исчахнуть бы мне, ослепнуть бы мне!
Послушай, что мне приснилось во сне»
…Ущельем иду, где воды шумят,
И овцы Саро в ущелье стоят,
Язык обрели – и песню поют,
Согласно поют, чудесно поют,
Раскинь свой ямчень! Порадуй сестру!
Ой, плох этот сон… Ох, он не к добру…
О боже, врата свои нам открой;
Ты нас сотворил, мы – прах пред тобой!..
Безгласные овцы в ущелье глухом
Так пели, сестрица, как мы не споем;
Бедняги Саро убогая мать
С платочком пошла пред ними плясать…»
«Услышь, Манишак, к несчастью твой сон,

Гляди на ячмень – как падает он:
Вот – зло, вот – добро… А это – гляди:
Саро… он стоит на черном пути.
Господь, молодца Саро пощади!
В дом старой нани беду не пусти!..»

XXI

И бродит Саро по горам родным,
Как загнанный зверь, из оврага в овраг.
И рок впереди, и пуля за ним,
Луга ему – ад и друг ему – враг.
Когда ж на горах закат догорит,
И вечер дарит отрадную тьму –
Его баяти печально звучит,
И горы-друзья внимают ему:

«Ночные горы – эгей!
Вас мое горе темней.
Ой, горы, вам я кричу,
Одни вы вторите мне!

С надеждой к вам я бежал,
Я так от мира устал!
О горы, скройте меня
В глухих расселинах скал!

Как к дому друга, иду
К скалистым кручам во льду.
Умру, избавлюсь от мук,
Ночлег спокойный найду.

Умру… но как же она?
Ах, эта мысль мне страшна.
Пусть я избавлюсь от мук –
Она, как будет одна?»

Песнь пятая

XXII

Рыдает Ануш, пав на землю лицом.
Соседки безмолвно столпились кругом;
Не знают они, что ей, бедной, сказать.
И чем обнадежить, и как утешать?..
Покамест бог миловал, — бешеный брат
Из дальних полей не вернулся назад…
Но с пеной у рта жестокий отец
Плюется, клянет несчастную дочь:
«Пусть горе тебе принесет твой венец!
Уйди ты, распутница, с глаз моих прочь!
Подальше от дома свой стыд уноси,
Уйди! Не позорь ты отца своего!
Ты знала — его ненавидит Моси,
Ты знала — что мы невзлюбили его!
Так как же решилась ты с ним убежать?
Нет! Лучше б тебе в могиле лежать!..»
На крик старика все селенье сошлось,
И слышно: «Утихни!.. Умерь свою злость!..»
И сельский священник приплелся на крик —
Осанистый белобородый старик.
«Прочь, прочь уходите! — он людям сказал, —
Уйдите, чтоб сам я всю правду узнал!
Ануш все мне скажет сама, И тогда
Увидите, что поправима беда.
Не плачь, успокойся, утихни, мой свет!
Скажи мне, ты любишь его или нет?
Сама захотела ты с ним убежать?..
Сама? Ну, так должен я вас обвенчать. —
И все тут!..»
«Эй! кто там так громко кричит?..
Да, что там?.. Пускай кто-нибудь поглядит!..
Убил?.. Кто?.. Моси?.. Нехватало беды…
Ануш, эй, Ануш!.. поскорее — воды!..»

XXIII

Как бурный поток, что, свиреп и могуч,
Внезапно бы на землю хлынул из туч,
Как яростный вихрь, распахнувший крыла,
Помчалась толпа парней из села.
Спешат, уж не спрашивая ни о чем,
Гонимые горем, как черным смерчом.
Влетели в ущелье. И мнится — у ног
Шипит и клубится кровавый поток…
И вмиг — никого не осталось в селе.
Теснясь, в нетерпенье стоят на скале.
И, с трепетом вслушиваясь в каждый звук,
Глядят напряженно. Но скалы вокруг
Безмолвны. Лишь пену бушующих вод
Бессонный Дэв-Бед по дну бездны несет.

XXIV

И вот показался убийца из мглы
Ущелья. Шаги неверны, тяжелы.
Идет… Все черты его искажены,
Глаза выраженьем ужасным полны,
И — страшный, медлительный — к двери своей
Прошел он, не глядя на лица людей;
Повесил на столб волосатой рукой
Ружье свое, схожее с черной змеей.
Застыла толпа. Каждый — как онемел
От страха… Никто и дохнуть не посмел,
Молчат. Вдруг завыла старуха одна.
Лицо раздирает и вопит она;
«Арай!» Это сын ее, сын… он убит.
Она, обезумев от горя, бежит.
И, страшен и нечеловечески дик.
В пустынном ущелье звучит ее крик.

XXV

И с воплем «арай» исступленной толпой
Все женщины кинулись узкой тропой

В ущелье, за матерью вслед. И вдали
Ее возле мертвого сына нашли.
И плач их надгробный так скорбно звучал,
Что душу, казалось, живым разрывал.
И юноши с горестной думой в глазах
Уселись понуро на ближних камнях.
А женщины плакали — сгиб удалед….
Жалели покинутых сирых овец.
Бедняжку Анув помянули потом
Бездушным проклятьем.

Скорбели о там,
Что вот, мол, все юноши в горы пойдут,
Саро одного лишь с собой не возьмут.
Что некому будет собак накормить,
Что с кровли начнут они, бедные, выть,
Что палица с грозной щетиной гвоздей
Покроется сажей на полке своей.
Что длинный кинжал, украшенье стены.
Заржавеет, вдвинутый праздно в ножны.
Привыкшая к воздуху горных высот,
Нани в этот год на яйлаг не взойдет;
Одна будет дома несчастная мать
Сидеть, горевать, о былом вспоминать…

И каждое слово, что слышала мать
О сыне, ей сердце могло б растерзать.
И мать мертвеца начинает молить
Хоть слово сказать, хоть глаза приоткрыть:
«Что, солнышко, ты закатилось во тьму?
Зачем не глядишь ты? Молчишь почему?
Сын милый! Ты — что изменил мне? Взгляни —
Ты отнял могилу у старой нани!»
Но бледные веки навек заперты.
Застыли уста, и не дрогнут черты.
Не слышит убитый земных голосов…
Недвижно белеет полоска зубов.

…И небо-врага проклинает она,
Отчаянья и исступленья полна.
И бога поносит, и волосы рвет,
И снова рыдает, и снова зовет:
«Ты солнцем за тучи упал, Саро-джан!
Ты с ветви цветущей упал, Саро-джан!
Тьма солнце у била мое, Саро-джан!..
И ночь наступила моя, Саро-джан!..»
…И ночь наступила. И пала роса.
И плачущих стихли вдали голоса,
Лишь старый Дэв-Бед, в гриве пенных седин,
Горюет и плачет в ущелье один.

С грозной песней
Мчится в бездне,
И — горя полн —
Бьет пеной волн
О стены скал
За валом вал
Разбивает
И рыдает…

XXVI

Друзья, с сокрушенной душой,
Могилу копать пришли.
Над рекой, под скалой большой,
Они его погребли.
Заблагоухал ивы цвет,
Всплыл над долиной туман.
И голосом шумным Дэв-Бед
Величавый спел шаракан.
И друзья — грустны и туманны —
Воротились каждый в свой дом,
Оставя внизу безымянный
Черный холм в ущелье глухом.

Песнь шестая

XXVII

Принеслась весна. Склоны гор в цветах.
Загремел в лесах хор весенних птах.
Девушка одна ходит, травы рвет,
Про себя поет и не отдохнет,
По речным пустым ходит берегам,
Плача и смеясь, бродит по лугам.

«Красавица, что плачешь ты,
Тоскуешь ты о чем?
И для кого-ты рвешь цветы
В ущельях день за днем?
Ты плачешь — роз весенних ждешь?
Для роз настанет май!..
Иль ты о милом слезы льешь?
Ушел он в дальний край…
Его из плена — никакой
Мольбой не воротить!..
Зачем напрасных слез рекой
Огонь очей гасить?
Могильный холм его польет,
Оплачет дождь весной.
Тебя ж другой любимый ждет.
Таков закон земной».

«Благодарю, прохожий-брат!
Иди! Ты встретишь яр…
У ней смеется сладко взгляд
Глубокий, полный чар.
Пусть ваши дни, любви полны,
Ликуют, как весна!
А мне? — лишь слезы мне даны,
И плакать я должна».

И бредет она,
И поет она.
А у ней одна

Песня сложена,
И кипит в ней слез темная волна…
Ропота полна, стонет и скорбит,
И одно поет, и одно твердит:
«Опустела жизнь!.. Страшно опустел,
Изменился мир!.. Мир осиротел!..
Горы без Саро – сиры и пусты. –
И зовет она: – «Милый, где же ты?
Где твои пути? где найти следы?..

Сжалься, удалец!
Воротись скорей.
Долго ль ждать тебя
Любящей твоей?
Поверни стада,
Пригони домой!
Мы тайком тогда
Встретимся с тобой…

Взгляни на тот зеленый склон, –
Там юноша лежит.
Укрывшись черной буркой, он,
Откинув руку, спит.
Ах, то – мой яр! дыханьем трав
Он сладко опьянен,
На свежий луг в тени упав,
Спит безмятежно он.

Встань же, удалец!
Встань, жестокий мой!
Уж давно овец
Гнать пора домой…
Смуглый, молодой,
Я тебя люблю.
Боль души с тобой
Только – утолю!..

Чья свадьба там, под рев зурны,

Идет — пышнее всех?
Людей веселых скакуны
Несут сквозь дождь и снег?..
Нет… Мне послышалась зурна,
Почудилась на миг…
Подруженьки, а где ж у них
Невеста и жених?..

Вон несут, несут
К воротам родным!..
Стойте! я косу
Расплету над ним…
Унесли его,
Плача и стеня.
О, заройте с ним
В землю и меня!..

Ах, что я! Это, говорят,
Немой, смердящий труп;
Застыл недвижный, мутный взгляд,
Засохла кровь у губ.
А тот был юн и полон сил,
Благоуханно-свеж!
Он с шуткой, с песней проходил
По росам вешних меж…

Сжалься, удалец,
Воротись скорей!
Долго ль ждать тебя
Любящей твоей?..
Ждать не заставляй,
Долго я ждала.
Много без тебя
Слез я пролила.

Если не дождусь
Нынче до зари,
Помни — рассержусь,

Разлюблю — смотри!»

XXVIII

В утесы бьет разъяренный
Дэв-Бед пеной мутных волн,
И виден над ним зеленый
Саро надмогильный холм.

Там слезы безумная льет,
Возлюбленная его,
И стонет она и зовет
К себе Саро своего.

И светом сменяется тьма
И тьмой сменяется свет;
Безмолвна могила, нема,
И милого нет и нет…

Дэв-Бед вздыхает: «Вуш, вуш!..»
Вал за валом гоня во тьму,
Призывая: «Слушай, Ануш,
Тебя я возьму к нему!..»

«Ануш, эй, Ануш! вернись же назад!..» —
Старуха нани с обрыва кричит.
Но, страшно немы, ущелья молчат.
Лишь недруг Дэв-Бед во мраке шумит:

«Вуш-вуш, Ануш, вуш — нежный друг,
Любви твоей жалко нам!..
Вуш-вуш, Саро, храбрец-пастух!..
Вуш — милым твоим горам».

XXIX

Под Вознесенье, в ночь тайн и чудес,
Есть миг счастливый один, когда вдруг
Распахиваются врата небес,
И умолкает внизу всякий звук,

И чуть струится в небе эфир,
И благодатью наполнен весь мир.

В тот миг чудесный, когда тишиной
Объяты бездны и бури молчат,
Неутоленных при жизни земной
Влюбленных звезды друг к другу летят,
И встречаются, и нежно, с тоской,
Целуются – высоко над землей…

Перевод: В.Державин.

_____
* Нани – мать, матушка.
* Джан – ласкательное обращение.
* Яр – возлюбленный (-ая).
_____

Источник: Ованес Туманян “Сборник произведений”
Издательство “Луйс”, Ереван, 1986 год. Poemalar